

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
X12

Хаан, Ашира.
X12 Десятый сосед / Ашира Хаан. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-109818-6

Мама говорила, что за всю жизнь у приличной женщины не может быть больше десяти мужчин, и Ева свято верила в эту установку. И вот ей почти 30, пора выходить замуж, у нее девятый по счету мужчина. Он — подходящий кандидат в мужья, только нет между ними химии — того, что девочки подсознательно ждут с детства. Однажды она встречает нового соседа, и между ними вспыхивает страсть. Но он женатый и... десятый по счету! Их отношения не имеют будущего. А так хочется любви и простого женского счастья!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109818-6

© Ашира Хаан, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Пролог

Мама всегда говорила, что за всю жизнь у приличной девушки должно быть не больше десяти мужчин. Цифра казалась мне даже завышенной: я собиралась найти своего единственного гораздо быстрее.

Она еще много чего говорила — и про то, что женщина не должна курить на ходу или за столом, и про то, что должна пить только благородные напитки, например сухое красное вино или коньяк, и что-то еще про длину юбок и цвет помады...

Возможно, именно с тех пор я люблю пиво, ношу длинные юбки с разрезом до пояса и крашу губы в истошно-розовый.

Но вот правило про десять мужчин впечаталось намертво.

* * *

Тот вечер я помню странно: секунду за секундой его первую половину и короткими яркими вспышками — вторую.

— Это вопрос самоуважения! Ты понимаешь? — Для убедительности мама размахивала стеклянным шаром, в котором под искусственной метелью из блестящих снежинок крутилась принцесса в розовом платье.

Я больше следила за шаром, чем слушала ее слова. Мне казалось, он вот-вот выскользнет и разобьется на тысячу сверкающих осколков.

Скандал длился уже второй час. Мне было восемнадцать — отличный возраст для свиданий с парнями из инженерного института, которые позвали нас с Верой погулять.

Я считала, что самое время начинать взрослую жизнь.

Мама считала, что только через ее труп.

В принципе я уже была готова и на труп.

Это же лучшие годы! Самое время гулять! Предвкушение свободы бурлило в крови, лопааясь пузырьками шампанского в голове и покалывая кончики пальцев.

Я была похожа на принцессу в стеклянном шаре — и как же мне наконец хотелось вырваться за его пределы!

— Принесешь в подоле — можешь домой не являться! С таким-то стартом закончишь на панели! У меня твой отец был первым! Я-то знаю, какова современная молодежь, но чтобы собственная дочь...

Я не ожидала, что в душе моей нежной и мягкой мамы гнездятся такие хтонические чудовища и тем более что они вдруг полезут наружу. Словно кто-то чужой и злой написал ей все самые ужасные слова, поселил внутри мрак, ползущий из ее рта и, словно жуткий болотный монстр, хватающий меня за руки и за ноги.

— Мама, мы же просто с Верой... Мы только погулять... — лепетала я, но в кухне становилось все темнее, словно огромная черная тень нависала надо мной, вырвавшись из моей маленькой и хрупкой

мамы, все еще пытающейся загипнотизировать меня этим сверкающим шаром в руке.

— Мне уже восемнадцать! Я взрослый человек! — не выдержала я.

— Ну и катись, шлюха! — взвизгнула мама, и сверкающий снежный шар раскололся о стену рядом с моей головой, выпуская принцессу в розовом платье на волю.

Казалось, в следующую секунду огромная тень опустилась на нас, запачкав мазутной чернотой. Все стало очень медленным и отчетливым: снежинки разлетелись по всей кухне, попав в чай, в гречку с сосисками, в лужицу кетчупа на столе, в кастрюлю с супом, в миску с собачьим кормом, но больше всего осело на моих волосах. Принцесса в розовом упала на линолеум в брызгах зеркального льда, и наш старый сенбернар Ричи тут же перемолол ее челюстями.

Дверь квартиры хлопнула за моей спиной, и я глубоко вдохнула прозрачный октябрьский воздух. Ерунда! Когда я вернусь, мама уже придет в себя.

Сначала я забежала за Верой. Ее дом находился прямо за зданием ЗАГСа, и последние несколько месяцев всякий раз, когда мы шли мимо, она печально вздыхала: «Представляешь, это как у голодного перед носом котлету повесить!»

Никакие уверения, что замуж мы всегда успеем, на нее не действовали. Субботним утром ее будили гудки свадебных кортежей, а по понедельникам дворники неизбежно и печально выметали горы конфетти и розовых лепестков. Вера жила в ожидании того человека, который наконец-то отведет ее в белой фате и пышном платье в это казенное

серое здание, а потом увезет на лимузине с лентами в какой-нибудь другой дом, где по утрам в выходные можно будет наконец выспаться.

Обычно я проскакивала мимо толп гостей не задерживаясь, но в тот день почему-то остановилась и увидела выходящую из дверей ЗАГСа счастливую невесту в розовом свадебном платье точно такого же оттенка, как у погибшей в зубах у Ричи принцессы из стеклянного шара. Мне вдруг показалось, что она каким-то образом сумела избежать страшной участи, вырвалась на волю и обернулась реальной, очень красивой девушкой с вьющимися светлыми волосами и самой счастливой улыбкой на свете.

Будто на моих глазах произошло настоящее чудо.

Однако, переведя взгляд на вышедшего следом жениха, я моментально забыла про свою принцессу. Он не был как-то особенно высок, строен и красив, да я и не могла толком разглядеть его за спинами людей, но мы встретились взглядами, и я вдруг ощутила, как в животе возникло странное чувство, похожее на невесомость. Дух захватило, как на качелях, — страшно, сладко и невыносимо.

«Хочу за него замуж», — подумала я.

Нет, не так.

«Я выйду за него замуж» — вот так я подумала. С твердой уверенностью, что это случится.

Но гости закричали «Горько!», кто-то заслонил его от меня, прервав контакт взглядов. Я вздрогнула, словно очнувшись, и побежала дальше к Веринному дому. Какая романтическая ерунда только в голову не придет! Неужели я заразилась от подружки этой свадебной лихорадкой?

Через пять минут я уже совершенно забыла о произошедшем.

Парней было трое — двое вполне симпатичных старшекурсников и один очень высокий и прыщавый, на вид старше их. Мы забыли договориться с Верой, как будем делить кавалеров, и теперь переглядывались, пытаясь разобраться без слов. Третьего — точно Юльке! Правда, я не понимала, кто мне больше нравится из оставшихся.

Вообще-то я не собиралась пока никого выбирать, хотела просто посмеяться и погулять, а главное — почувствовать, что нравлюсь, и не только одному, всем! Но они между собой явно о чем-то таком договаривались. Пока мы стояли у Юлькиного дома и ждали, когда она выйдет, этот прыщавый все время оттеснял меня от Веры и остальных, предлагал сходить вдвоем то за мороженым, то за сигаретами. Я не хотела никуда уходить, мы ведь намеревались гулять все вместе, но он был очень настойчив.

Вера не замечала моих испуганных взглядов. Ей досталось двойное мужское внимание, и она таяла под градом комплиментов. Мне даже казалось, она уже не очень-то хотела, чтобы Юлька вышла. Да и я, если честно, ей чуть-чуть завидовала — оба доставшихся ей парня были гораздо симпатичнее моего.

— Пойдем в лес, что ли? — наконец сказал один из них, когда все сроки уже прошли и стало понятно, что мы так и останемся впятером. Юлькин телефон не отвечал.

— Может быть, пройдемся по бульвару? — предложила я. Вечерами там как раз гуляли такие компании, и я часто представляла себя в одной из них, громко смеющейся, в новой белой джинсовой юбке и с сигаретой.

— Да ну, — сплюнул прыщавый. — Там бабки опять разорутся. В лесу можно костер развести, выпить нормально, удобнее там, опять же.

— Выпить?

Не то чтобы я не пробовала алкоголь, но бокал шампанского на Новый год и день рождения или банка пива, выпитая на двоих с Верой вопреки всем запретам мамы, — это совсем не то, что несколько бутылок вина, звякнувших в рюкзаке у одного из наших новых знакомых. Но смешно отказываться, не водка же!

Вино оказалось красным сухим, и я, конечно, рассказала, что, по мнению моей мамы, положено пить приличным девочкам и где курят приличные женщины. Пластиковый стаканчик в моей руке мялся и протекал, роняя густо-бордовые винные капли на джинсы и свитер. Я пыталась их стирать пальцами, комкала стаканчик еще сильнее, и все начиналось сначала.

Прыщавый предложил отойти покурить, раз приличная девушка не должна этого делать за столом. Его слова показались мне вполне логичными, и я пошла за ним. Впрочем, закурить он так и не дал, облапав и засунув язык мне в рот, едва полянку заслонили деревья. Все происходящее совсем не походило на мой первый и пока единственный поцелуй в прошлом году. Это было как-то... слишком! Нагло, мокро и практически насильно.

А уж когда он принялся расстегивать мои джинсы, почему-то приговаривая: «Тихо, тихо, тихо!» — я совсем растерялась и вместо того, чтобы убежать или позвать Веру, сказала ему, что ребята, наверное, обидятся на то, что мы ушли так надолго, и

надо вернуться к ним. Но он только хохотнул, сообщив, что ребятам и без нас весело, и его рука совсем внаглую забралась мне в трусы.

Страх взвился ледяным вихрем из позвоночника, раскрутился тайфуном в голове, так и не дав мне протрезветь, зато подарив какую-то отчаянную решимость. Я рванулась из рук прыщавого, но не на свободу, а к полянке, где Вера была уже без куртки и свитера. Один из парней присосался к ее губам, а второй возился с «молнией» на своих джинсах.

По ее мутным глазам было понятно, что выпила она гораздо больше меня. Я потянула ее за локоть, уворачиваясь от чужих рук, но она только отмахнулась, рассмеялась, сказала, что ей и здесь хорошо. Минуты две я потратила на то, чтобы попытаться ее все-таки поднять, но парни, тоже пьяные вдрызг, наконец-то сообразили, кто им все время мешает, и переключились на меня, а из леса появился прыщавый, почему-то с расстегнутой ширинкой.

Я снова и снова звала Веру, но она не реагировала, а ко мне шли уже двое. Один из них был не так уж сильно пьян и бегал наверняка быстрее меня.

Точно быстрее.

Прыщавый очень быстро догнал меня и повалил на свежееопавшие листья, едва прикрывшие осеннюю грязь. Он сразу раздвинул мне ноги, и холодный страх в моей душе превратился в темный ужас. Только он придал мне сил — я отмахнулась пяткой, не глядя, куда бью, сгребла черную густую жижу и, извернувшись, бросила ее в прыщавого. Он отпустил меня на несколько секунд, которых хватило, чтобы рвануть оттуда с удвоенной скоростью.

Я остановилась, только когда уже выбежала из леса. Прохожие провожали меня недоумевающими взглядами — еще бы, не каждый день приходится видеть перепачканную девушку!. Я забилась за гаражи и отчаянно кричала, заткнув себе рот грязным, пропахшим вином свитером. Потом попыталась отчистить корку засохшей глины с джинсов, но становилось только хуже, пока я не поняла, что и руки у меня в грязи, и лицо тоже, и вся я грязная.

Я терла руки друг о друга, надеясь, что это поможет, но ничего не получалось. Тогда я заплакала, и из моих волос вдруг высыпалось несколько искусственных снежинок, облетевших на меня, когда шар разбился. Здесь и сейчас они смотрелись чудовищно неуместно, но почему-то именно это помогло мне собраться, встать и дойти до киоска, чтобы купить бутылку воды и вымыть хотя бы лицо.

Я бродила по улицам до самой темноты, смотрела, как люди ехали с работы домой, загружаясь в освещенные теплым светом автобусы. Постепенно пассажиров становилось все меньше и меньше, я видела, как автобусы шли полупустые, и поодаль от фонарей собирались в группки темные фигуры.

Следующее, что я помнила ясно, — как стояла у подъезда и не могла подняться на свой этаж. Дома была мама, разбившийся шар, черное болото и ее правота.

Мама была права.

Мама была права. Мама была...

Помню холодные двери лифта, к которым я прислонялась лбом, и шершавую обивку двери под пальцами. Потом — бесшумный поворот ключа, темнота в коридоре и слишком яркий свет в ван-

ной, неприятное прикосновение теплой воды, утекающая в слив темная грязь, тяжелое дыхание...

Выйдя оттуда, я вздрогнула: мама молча сидела за кухонным столом. Я ее не заметила сразу или она пришла позже? Ждала меня? Мы должны поговорить?

— А где папа? — осипшим голосом спросила я.
Она молча пожала плечами.

На следующий день Вера не пришла на занятия. И на следующий тоже. И через месяц. Никто ничего не говорил, но все тайком шептались.

В конце мая, между экзаменами, я заскочила вечером в колледж, чтобы договориться о дополнительной консультации, и увидела ее рядом с кабинетом директора, очень бледную и с огромным животом.

Я остановилась, не зная, что делать. Подойти? Или притвориться, что не заметила?

Но Вера посмотрела на меня и покачала головой.

Больше я ее не видела.

Еще не последняя попытка

Я сняла наушники уже подходя к дому, чтобы музыка не мешала, когда буду заходить в подъезд, и меня накрыл заунывный звук сирены «Скорой». Он быстро приближался, зажигая тревогу в сердце. Я сунула руку в карман, скрестила пальцы и прошептала: «Чур, не моя беда!»

«Скорая» пронеслась за деревьями по шоссе, на несколько секунд оглушив своим воем.

Но мимо.

Хотя за кого мне бояться? Мама живет на другом конце города, этот вой не про нее.

Ключи из кармана я достала заранее, чтобы не возиться у двери, но, когда завернула за угол, увидела, что подъездная дверь подперта массивным камнем, под козырьком стоят картонные коробки, а рядом грузчики запихивают в машину компьютерное кресло.

Кто-то переезжает? Интересно, кто?

Лифт, разумеется, валандался где-то по верхним этажам, перевозя скарб выезжающих, и я тяжело вздохнула, готовясь к долгому ожиданию.

Устала как собака! На работе бардак: одни отделы расширяются, другие сокращаются, сотрудники меняются местами и кабинетами, перетаскивают мониторы и кресла с одного этажа на другой.

Я в центре этого кошмара — и, как офис-менеджер, конечно, отвечаю за то, что у одних пропали папки с документами, а у других уволокли принтер.

Когда принтер находится, драки из-за него принимаю тоже я. И валерьянку потерявшим документы наливаю я. И в архив за копиями документов спускаюсь снова я.

И все это на каблуках...

Прямо сейчас я мечтала сделать две самые прекрасные вещи в жизни женщины — снять туфли и расстегнуть бюстгальтер. Немедленно!

Я с трудом остановила собственную руку, потянувшуюся к спине.

Двери лифта разошлись, на меня надвинулся лакированный бок старого комода. Я его даже узнала, и, подтверждая мою догадку, из-за него вынырнула Маринка, соседка сверху. Грузчики, очевидно, в лифт не поместились — странно, что туда комод удалось впихнуть! — и топали пешком. А Маринка, извернувшись, зажала кнопку открытия дверей, чтобы комод не уехал в одиночестве кататься по этажам.

— О, привет! — обрадовалась она, заметив меня. — Давно ждешь?

— Так ты переезжаешь? — уточнила я на всякий случай.

Я привыкла, что мы с Маринкой иногда болтаем, пьем чай или что покрепче, и музыку она никогда не включает громко. Неизвестно, кто там еще поселится! Может, семейство с маленькими детьми, которые будут играть в футбол над моей головой и ронять свои игрушки.

— Да! — Маринка прямо сияла. — Я тебе не говорила разве?